

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-2-22>

УДК 343.14

Attribution

cc by

ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
КАК ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ФИЛЬТР ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Петрова О.А., Руденко А.В.

Кубанский государственный университет

Аннотация. В статье анализируется допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве через призму процессуальных принципов, закрепляющих основные права и свободы человека. Обосновывается положение о том, что соблюдение принципов уголовного судопроизводства выступает ключевым критерием законности и допустимости доказательств, а нарушение таких принципов при их получении влечёт признание доказательств недопустимыми независимо от их фактической доказательственной ценности. Особое внимание уделяется раскрытию содержания принципов законности, осуществления правосудия только судом, уважения чести и достоинства личности, охраны прав и свобод человека и гражданина, неприкосновенности жилища, личности и частной жизни, обеспечения права на защиту, а также принципа языка судопроизводства в контексте процесса доказывания. На основе анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, кассационных судов общей юрисдикции и Европейского суда по правам человека делается вывод о формировании устойчивого правоприменительного подхода, согласно которому способ получения доказательства имеет приоритетное значение по отношению к его содержанию. Делается вывод о том, что правило получения доказательств с соблюдением процессуальных принципов выполняет функцию процессуального фильтра, обеспечивающего законность, справедливость и объективность уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, доказывание, доказательства, допустимость доказательств, процессуальные принципы, права и свободы человека, недопустимые доказательства, судебная практика, Верховный Суд Российской Федерации.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCEEDINGS
AS A PROCEDURAL FILTER FOR THE ADMISSIBILITY OF EVIDENCE

Olga A. Petrova, Alexander V. Rudenko

Kuban State University

Abstract. The article examines the admissibility of evidence in criminal proceedings through the prism of procedural principles that safeguard fundamental human rights and freedoms. It substantiates the position that compliance with the principles of criminal procedure constitutes a key criterion for the legality and admissibility of evidence, while violations of such principles during the collection of evidence result in its inadmissibility regardless of its factual probative value. Particular attention is paid to the analysis of the principles of legality, administration of justice exclusively by courts, respect for human dignity, protection of human and civil rights and freedoms, inviolability of the home, personal liberty and private life, the right to defence, and the language of criminal proceedings in the context of the evidentiary process. Based on the analysis of the case law of the Supreme Court of the Russian Federation, cassation courts of general jurisdiction, and the European Court of Human Rights, the article concludes that a stable law enforcement approach has been formed, according to which the method of obtaining evidence prevails over its substantive content. It is concluded that the rule requiring evidence to be obtained in compliance with procedural principles functions as a procedural filter ensuring the legality, fairness, and objectivity of criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, proof, evidence, admissibility of evidence, procedural principles, human rights and freedoms, inadmissible evidence, judicial practice, Supreme Court of the Russian Federation.

Funding: Independent work.

Введение.

В настоящее время в современном уголовном судопроизводстве проблема получения доказательств с соблюдением основных прав и свобод человека становится всё более актуальной. Это обусловлено, прежде всего, ростом сложности преступлений, развитием информационных технологий и необходимостью соблюдения баланса между эффективностью расследо-

вания и защитой конституционных прав граждан, однако, стоит отметить, что не все принципы, закреплённые в законе, закрепляют основополагающие начала доказывания и деятельности, связанной с собиранием доказательств».

Среди принципов уголовного судопроизводства, нарушение которых ведёт к признанию доказательств недопустимыми, следует отнести:

- 1) законность;

- 2) осуществление правосудия только судом;
- 3) уважение чести и достоинства;
- 4) охрану прав и свобод человека и гражданина;
- 5) неприкосновенность жилища;
- 6) неприкосновенность личности;
- 7) неприкосновенность частной жизни;
- 8) обеспечение подозреваемому (обвиняемому) право на защиту;
- 9) язык судопроизводства.

Обсуждение. Результаты.

Принцип законности имеет большое значение в уголовно-процессуальной деятельности; прежде всего, принцип законности (ст. 15 Конституции, ст. 7 УПК РФ) требует, чтобы все доказательства были получены исключительно в порядке, установленном законом. Так, принцип законности является одним из критериев допустимости доказательств, собранных сторонами, а нарушение норм УПК РФ судом, прокурором, следователем, органом дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства влечёт за собой признание недопустимыми полученных таким способом доказательств [1].

Грубое нарушение принципа законности можно проследить в Кассационном определении Верховного Суда РФ от 29.01.2010 № 19-О10-6СП [2], в котором Верховный Суд справедливо отметил, что суд первой инстанции ошибочно указал в приговоре на фактические обстоятельства и нарушения закона, что, в свою очередь, повлекло нарушение принципов законности и обоснованности судебного решения. В приговоре неверно изложено обстоятельство совершения преступления – ссылки суда на события и факты, приведённые как доказательства, имели процессуальные ошибки и существенные противоречия, что, в свою очередь, поставило под сомнение правильность установления фактов и законность вывода суда о виновности обвиняемого.

Суд указал на ошибку в формулировке приговора и использование недостоверных формулировок, что, несомненно, прямо нарушает принцип законности и обоснованности судебных решений.

Как уже было ранее рассмотрено, принцип законности требует, чтобы любое судебное решение основывалось на законе и объективно обосновывало выводы суда о фактах и норме права; то есть, суд обязан правильно установить фактические обстоятельства, доказанные в ходе процесса, суд также обязан применить нормы материального и процессуального права строго в рамках закона, формулировки приговора не могут содержать ошибочных логических выводов или произвольных предположений, ошибочная формулировка событий, как было указано ВС РФ в конкретном случае, нарушает принцип законности и объективности судебного разбирательства, так как этот приговор может быть основан на неверном понимании фактов.

Таким образом, Верховный Суд РФ в кассации вынес определение по приговору, где явно была

ошибка в формулировке фактов, а это является нарушением принципа законности (ст. 7 УПК РФ) и может повлечь основания для отмены или пересмотра дела.

Исходя из всего вышесказанного, приговор должен отражать именно те факты и квалификацию, которые были официально предъявлены подсудимому в обвинительном заключении, суд не вправе добавлять в приговор дополнительные обстоятельства, превышающие рамки обвинения, так как это нарушает принцип *nullum crimen sine lege* («нет преступления без закона»).

Далее, рассмотрим принцип осуществления правосудия только судом. Применительно к процессу доказывания, данный принцип выражается в том, что только суд уполномочен признавать факты установленными либо неустановленными и положить их в основу судебного решения [3].

Принцип закреплён в ст. 118 Конституции РФ – правосудие осуществляется только судом, в ст. 8 УПК РФ – осуществление правосудия только судом; в ст. 17 УПК РФ – свобода оценки доказательств, в ст. 73 УПК РФ – обстоятельства, подлежащие доказыванию; в ст. 88 УПК РФ – правила оценки доказательств.

Исключительная компетенция суда по оценке доказательств в уголовном процессе означает, что следователь, дознаватель и прокурор собирают и проверяют доказательства, однако, окончательную оценку доказательств осуществляет только суд; также ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы и не признаётся достаточным вне судебного разбирательства, поэтому, даже обвинительное заключение выражает позицию стороны обвинения, а не акт правосудия.

В контексте суда как единственного субъекта установления виновности, данный принцип означает, что признание лица виновным возможно исключительно приговором суда; выводы органов предварительного расследования не имеют преюдициального значения для суда, также суд самостоятельно устанавливает фактические обстоятельства дела на основе исследованных доказательств, что напрямую связано с презумпцией невиновности (ст. 14 УПК РФ).

Центральной стадией доказывания является, конечно, судебное следствие, где доказывание достигает своей полноты при непосредственном исследовании доказательств судом, суд не только исследует вещественные доказательства, но и оценивает заключения экспертов, а также допрашивает свидетелей.

Рассматривая принцип осуществления правосудия только судом, следует сказать о том, что не исключается участие иных субъектов, но чётко разграничиваются их функции; например, следователь и дознаватель собирают и проверяют доказательства, прокурор поддерживает обвинение и оценивает доказательства с позиции обвинения, защитник опровергает обвинение и представляет доказательства защиты, а суд, в свою очередь, как было отмечено ранее, оценивает доказательства и принимает окончательное решение, таким образом, ни один орган предварительного расследования не осуществляет правосудие.

Данный принцип, несомненно, имеет большое значение для уголовного процесса и обеспечивает защиту прав и свобод личности, недопустимость подмены судебной оценки доказательств следственными выводами, объективность и независимость установления фактических обстоятельств, и реализацию таких принципов, как состязательности, презумпции невиновности и независимости суда.

В итоге, можно сделать вывод о том, что применительно к уголовному процессу, принцип осуществления правосудия только судом означает, что только суд вправе на основе всестороннего, полного и объективного исследования доказательств признать лицо виновным либо невиновным, а деятельность органов предварительного расследования носит вспомогательный, подготовительный характер и не подменяет судебное доказывание.

Принцип уважения чести и достоинства граждан, применительно к доказыванию в уголовном судопроизводстве, означает, что все доказательства должны быть получены исключительно законными и гуманными способами; недопустимо получение доказательств путём унижения человеческого достоинства, также запрещены любые формы психологического или физического давления на участников процесса; нормативно этот принцип закреплён в ст. 21 Конституции РФ, а в уголовном процессе конкретизирован в ст. 9 УПК РФ [4].

На стадии собирания доказательств, при производстве следственных действий (допрос, очная ставка, обыск, освидетельствование и т.д.), запрещается использовать угрозы, принуждение, шантаж, обещания незаконных выгод, также недопустимы унижающие вопросы, оскорбительные формулировки; должны соблюдаться правила такта, корректного обращения и процессуальной формы; что же касается личной и семейной тайны, то они также подлежат защите, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом.

Нарушение этих требований влечёт признание доказательств недопустимыми (ст. 75 УПК РФ), поэтому принцип уважения чести и достоинства граждан является неотъемлемым условием допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве; его соблюдение гарантирует не только защиту прав личности, но и законность, объективность и справедливость процесса доказывания[5]. Так, Определением Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 25.12.2018 № 46-УД18-19 были признаны недопустимыми показания, полученные в условиях психологического давления и нарушения человеческого достоинства[6].

По делу о тяжком преступлении обвинение, в значительной степени, основывалось на показаниях обвиняемого, данных им на стадии предварительного расследования; в дальнейшем обвиняемый от этих показаний отказался, заявив, что они были получены в условиях психологического давления со стороны сотрудников правоохранительных органов, при нарушении его человеческого достоинства и без реального

обеспечения права на защиту. Суды первой и апелляционной инстанции признали эти показания допустимыми и положили их в основу обвинительного приговора. Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ не согласилась с выводами нижестоящих судов и указала на существенные нарушения уголовно-процессуального закона.

О недопустимости психологического давления ВС РФ подчеркнул, что психологическое давление (угрозы, запугивание, создание обстановки безысходности, давление на психику) приравнивается по своей правовой природе к недопустимым методам воздействия; такие методы, по мнению ВС РФ, несовместимы с принципом уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ, ст. 21 Конституции РФ). Далее, о нарушении человеческого достоинства, ВС РФ отметил, что даже при отсутствии физического насилия, унижение личности, грубое обращение, давление на волю допрашиваемого уже само по себе означает нарушение человеческого достоинства и государство не вправе добиваться признаний «любой ценой».

О допустимости доказательств ВС РФ прямо указал на то, что «показания, полученные в условиях психологического давления и нарушения человеческого достоинства, являются недопустимыми доказательствами независимо от их содержания»; т.е. не имеет значения, подтверждаются ли они другими доказательствами – способ их получения уже делает их юридически ничтожными (ст. 75 УПК РФ).

В чём же заключались ошибки нижестоящих инстанций? По мнению ВС РФ, суды формально оценили доводы защиты, не дали надлежащей оценки условиям получения показаний, а также необоснованно проигнорировали отказ обвиняемого от признательных показаний и фактически допустили обвинительный уклон. Итоговое решение ВС РФ выразалось в отмене судебных решений нижестоящих судов, указании на необходимость исключения недопустимых доказательств и направлении дела на новое рассмотрение с учётом изложенной правовой позиции.

Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина закреплён в ст. 2 и ст. 18 Конституции РФ, а в уголовном судопроизводстве - в ст. 11 УПК РФ. Он обязывает суд, прокурора, следователя и дознавателя уважать и защищать права и свободы участников процесса, обеспечивать возможность их реального осуществления и незамедлительно пресекать любые нарушения прав личности. Так как допустимость доказательств – это их соответствие требованиям закона по форме и способу получения, принцип охраны прав и свобод личности выступает критерием законности доказывания; т.е. доказательство допустимо только тогда, когда оно получено без нарушения прав и свобод человека. Эта идея имеет прямое закрепление в ст. 75 УПК РФ, согласно которой доказательства, полученные с нарушением закона, признаются недопустимыми.

Как же реализуется данный принцип на стадии собирания доказательств? Принцип охраны прав и

свобод обеспечивает допустимость доказательств через соблюдение права на защиту (участие защитника при допросе подозреваемого и обвиняемого), реализацию права не свидетельствовать против себя и близких (ст. 51 Конституции РФ), запрет принуждения к даче показаний и соблюдение права на неприкосновенность личности, жилища и частной жизни. Если эти права нарушены, полученные доказательства автоматически теряют допустимость.

Принцип неприкосновенности жилища закреплён в ст. 25 Конституции РФ и конкретизирован в ст. 12 УПК РФ, он устанавливает законные пределы собирания доказательств, запрещая получение доказательственной информации из жилища с нарушением прав человека, говоря иначе, данный принцип определяет допустимые способы получения доказательств. Если осмотр жилища проводится без согласия проживающих лиц и без судебного решения, то он осуществляется с нарушением принципа неприкосновенности жилища, в результате чего протокол осмотра жилища признаётся недопустимым доказательством, все сведения, зафиксированные в таком протоколе, исключаются из системы доказательств, и, соответственно, предметы, документы и иные данные, полученные в ходе такого осмотра, не могут быть использованы при доказывании вины. Обыск и выемка являются активными способами собирания доказательств, направленными на обнаружение и изъятие предметов, документов и ценностей, имеющих значение для уголовного дела. Если обыск или выемка в жилище проведены без судебного решения либо с нарушением установленного порядка, то нарушается принцип неприкосновенности жилища, а также и рассмотренный выше принцип охраны прав и свобод человека и гражданина, и все полученные доказательства утрачивают юридическую силу.

Связь принципа с доказыванием проявляется через санкцию недопустимости, а именно, доказательства, полученные с нарушением неприкосновенности жилища, признаются недопустимыми на основании ст. 75 УПК РФ; суд обязан исключить такие доказательства независимо от их доказательственной значимости, и они не подлежат проверке и оценке, так как изначально получены незаконно. В приговоре Копейского городского суда Челябинской области от 25 мая 2020 г. по делу № 1-33/2020 [7] суд установил, что осмотр жилища был проведён с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона: без согласия проживающих лиц и без судебного решения, а также в ночное время без обстоятельств, не терпящих отлагательств, тем самым нарушены ст. 25 Конституции РФ, ст. 12 УПК РФ, ч. 5 ст. 177 УПК РФ и ст. 164 УПК РФ. В связи с этим, суд признал протокол осмотра места происшествия недопустимым доказательством, а все сведения и предметы, полученные в ходе данного следственного действия, исключил из системы доказывания на основании ст. 75 УПК РФ.

Данное дело наглядно демонстрирует, что нарушение принципа неприкосновенности жилища

непосредственно влияет на доказывание; т.е. доказательства, полученные с нарушением конституционных прав, не могут использоваться для установления обстоятельств дела, независимо от их фактической доказательственной ценности.

Принцип неприкосновенности личности закреплён в ст. 22 Конституции и конкретизирован в ст. 10 УПК РФ и означает, что ограничение свободы человека, применение мер принуждения и иные формы воздействия допускаются только на основании закона и в установленном процессуальном порядке. Что касается доказывания, принцип неприкосновенности личности напрямую влияет на допустимость доказательств, поскольку устанавливает пределы допустимого процессуального принуждения при их получении.

На стадии собирания доказательств, принцип неприкосновенности личности запрещает незаконное задержание, необоснованное ограничение свободы, принуждение к даче показаний и физическое или психологическое воздействие. Если показания или иные доказательства получены в результате незаконного лишения свободы либо давления, они признаются недопустимыми в силу ст. 75 УПК РФ. Как указал Европейский Суд по правам человека в постановлении по делу «Михеев против России» (жалоба № 77617/01, постановление от 26 января 2006 г.), заявитель был фактически лишён свободы сотрудниками милиции без надлежащего процессуального оформления задержания.

В период незаконного удержания к нему применялись физическое и психологическое давление с целью получения признательных показаний; эти признания использовались в рамках уголовного преследования. ЕСПЧ установил нарушение ст. 3 Конвенции (запрет пыток и бесчеловечного обращения) из-за применения насилия и давления и ст. 5 Конвенции (право на свободу и личную неприкосновенность) из-за незаконного лишения свободы. Суд подчеркнул, что государство несёт позитивную обязанность не только воздерживаться от жестокого обращения, но и обеспечить эффективное расследование заявлений о таком обращении. ЕСПЧ отметил, что признательные показания, полученные в условиях незаконного лишения свободы и давления, не являются добровольными и это, в свою очередь, подрывает их доказательственную ценность.

Использование признаний, полученных путём насилия или угроз, делает уголовное разбирательство несправедливым в целом, следовательно, такие показания (и «производные» от них сведения) не могут служить основанием доказывания вины. Подход ЕСПЧ корреспондирует, как было уже ранее отмечено, с положениями национального права (в РФ – ст. 21-22 Конституции РФ, ст. 10 УПК РФ, ст. 75 УПК РФ), из чего можно сделать вывод о том, что способ получения доказательств столь же важен, как и его содержание, нарушение личной свободы при собирании доказательств влечёт их исключение из системы доказывания.

Исходя из вышесказанного, в постановлении ЕСПЧ по делу «Михеев против России» было указано

на то, что получение признательных показаний в условиях незаконного лишения свободы и давления нарушает право на неприкосновенность личности и делает такие доказательства недопустимыми, а использование подобных доказательств подрывает справедливость уголовного судопроизводства и исключает их применение при доказывании вины.

Принцип неприкосновенности частной жизни закреплён в ст. 23-24 Конституции РФ и конкретизирован в уголовном судопроизводстве (в том числе через нормы о тайне переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, персональных данных). Он означает запрет на произвольное вмешательство государства в сферу личной и семейной жизни человека без законных оснований и надлежащей процессуальной формы.

Доказывание в уголовном процессе включает собирание, проверку и оценку доказательств.

Принцип неприкосновенности частной жизни устанавливает пределы допустимого вмешательства при получении доказательственной информации и тем самым прямо влияет на допустимость доказательств, таким образом, доказательства, затрагивающие частную жизнь, допустимы только при строгом соблюдении закона и процессуальных гарантий.

Принцип неприкосновенности частной жизни проявляется, прежде всего, при производстве следственных или иных процессуальных действий, связанных с получением конфиденциальной информации, а именно, в ходе контроля и записи телефонных переговоров, получением сведений о соединениях между абонентами, выемке и осмотре электронных носителей информации, доступе к персональным данным, медицинской тайне, тайне переписки, использовании аудио- и видеозаписей частного характера и т.д.

Перечисленные действия допустимы только при наличии законных оснований, как правило, на основании судебного решения и с соблюдением установленного процессуального порядка. Нарушение принципа напрямую связано с допустимостью доказательств; так, если сведения о частной жизни получены без судебного решения с выходом за пределы разрешённого объёма, с нарушением процессуальной формы, то соответствующие материалы признаются недопустимыми доказательствами и подлежат исключению из системы доказывания в силу ст. 75 УПК РФ. Важно отметить, что достоверность таких сведений не имеет значения, ключевым здесь является способ их получения, а не содержание. При оценке доказательств суд обязан учитывать, затрагивалась ли частная жизнь лица, было ли вмешательство соразмерным и необходимым, соблюдены ли процессуальные гарантии защиты частной жизни? Даже фактически подтверждённые обстоятельства не могут быть положены в основу обвинения, если они установлены путём незаконного вмешательства в частную жизнь [8].

Таким образом, принцип неприкосновенности частной жизни защищает личную автономию участника процесса, препятствует обвинительному уклону, обеспечивает баланс между интересами расследования

и правами человека и служит гарантией законности и справедливости доказывания.

Интересный пример можно привести из практики Верховного Суда РФ (Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.07.2022 г. № 53-УД22-16-А5) [9]; по уголовному делу защита обжаловала приговор, указывая на то, что в основу обвинения были положены доказательства, полученные с вмешательством в частную жизнь обвиняемых, а именно - сведения о телефонных соединениях между абонентами, данные извлечённые из мобильных телефонов и производные доказательства, основанные на этих сведениях. По мнению стороны защиты, указанные сведения были получены без надлежащего судебного решения либо с нарушением порядка, установленного ст. 186.1 УПК РФ и ст. 165 УПК РФ, что, как указывалось в жалобе, нарушает конституционное право на неприкосновенность частной жизни и тайну связи. Защита ссылалась на следующие обстоятельства: следственными органами были получены детализированные сведения о телефонных соединениях (биллинг), позволяющие установить круг общения и восстановить хронологию контактов, чтобы подтвердить координацию действий обвиняемых; эти сведения напрямую затрагивают тайну телефонных переговоров и частную жизнь лица, поскольку раскрывают социальные связи и поведение. Защита также утверждала, что отсутствовало надлежащее судебное решение, либо следственные действия были проведены с выходом за пределы разрешённого объёма. ВС РФ указал на то, что сведения о телефонных соединениях, действительно, относятся к сфере охраняемой частной жизни и тайны связи; однако материалы дела подтверждают наличие судебных решений, санкционирующих их получение; соответственно, процессуальный порядок был соблюден, поэтому доводы о незаконности вмешательства документально не подтверждены.

Само по себе, вмешательство в частную жизнь не влечёт недопустимость доказательств; решающее значение имеет законность способа их получения, т.е. наличие судебного разрешения и соблюдение требований УПК РФ, оснований для применения ст. 75 УПК РФ суд не установил.

Данное дело является интересным для доказывания, поскольку демонстрирует, что принцип неприкосновенности частной жизни действует как процессуальный фильтр допустимости доказательств, а не как абсолютный запрет на их получение. Принцип неприкосновенности частной жизни непосредственно связан с уголовно-процессуальным доказыванием, поскольку определяет допустимые пределы получения доказательственной информации; нарушение принципа при собирании доказательств влечёт признание соответствующих сведений недопустимыми и исключение их из системы доказывания, независимо от их фактической значимости [10].

Принцип обеспечения подозреваемому (обвиняемому) права на защиту закреплён в ст. 48 Консти-

туции РФ и ст. 16 УПК РФ и означает, что подозреваемый или обвиняемый имеют реальную возможность защищаться от обвинения всеми не запрещёнными законом способами, лично и с помощью защитника, на всех стадиях уголовного процесса. Применительно к уголовно-процессуальному доказыванию, соблюдение данного принципа означает, что доказательства, полученные с участием подозреваемого (обвиняемого), но без участия защитника, когда его участие обязательно, либо при фактическом ограничении возможности пользоваться помощью адвоката, а также с нарушением права отказаться от дачи показаний, подлежат признанию недопустимыми в силу ст. 75 УПК РФ.

В рамках доказывания, принцип обеспечивает возможность стороны защиты оспаривать доказательства обвинения, проверять их источник, способ получения, содержание и ставить вопрос об исключении доказательств из дела. Суд, оценивая доказательства, обязан учитывать, были ли соблюдены права на защиту при их получении, иначе нарушается принцип справедливого судебного разбирательства. Так, в Определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 02.02.2021 г. по делу № 77-493/2021 указывается на то, что в приговор были положены сведения, полученные от обвиняемого на ранней стадии расследования (в том числе «пояснения» и фактические признательные сообщения), которые были даны без участия защитника и использовались затем через показания сотрудников полиции и иные производные доказательства.

Защита отмечала, что таким образом следствие и суд обошли процессуальные гарантии права на защиту. БКСОЮ исходил из того, что право на защиту возникает с момента фактического придания лицу статуса подозреваемого, а не формального оформления, сведения, по своей сути, являющиеся показаниями обвиняемого не могут быть получены и использованы вне установленной процессуальной формы; также недопустимо «восстанавливать» такие сведения путём допроса сотрудников полиции и иных лиц. Таким образом, Кассационный суд указал на то, что использование подобных сведений нарушает ст. 16 УПК РФ, и такие доказательства подлежат исключению в силу ст. 75 УПК РФ, поскольку получены с существенным нарушением процессуальных прав обвиняемого. Суть заключается в том, что нельзя компенсировать отсутствие защитника на стадии получения информации последующим «оформлением» этих сведений через иных участников процесса.

Данное определение чётко связывает право на защиту с допустимостью доказательств и показывает, что нарушение права на защиту искажает сам процесс формирования доказательственной базы; т.е. форма и

условия получения информации важнее её фактической достоверности.

Принцип языка судопроизводства закреплён в ст. 68 Конституции РФ и ст. 18 УПК РФ. Он означает, что уголовное судопроизводство ведётся на государственном языке Российской Федерации, при этом лицам, не владеющим языком судопроизводства, гарантируется право пользоваться родным языком или языком, которым они владеют, а также право на переводчика. Данный принцип направлен на обеспечение реального, а не формального участия лица в процессе.

Доказывание в уголовном процессе предполагает получение сведений от участников процесса, осознание ими существа процессуальных действий и возможность давать объяснения, показания, возражения [11]. Реализуется принцип языка судопроизводства при допросах подозреваемого, обвиняемого, свидетелей, проведении очных ставок, ознакомлении с протоколами следственных действий, разъяснении процессуальных прав и обязанностей, если же лицо не владеет языком судопроизводства, участие переводчика является обязательной процессуальной гарантией. Так, в Определении 1-го кассационного суда общей юрисдикции от 20.10.2020 г. № 77-2033/2020 указано, что проведение следственного действия с обвиняемым, не владеющим языком судопроизводства, в отсутствие переводчика нарушает принцип языка судопроизводства и право на защиту, в связи с чем полученные доказательства признаются недопустимыми в силу ст. 75 УПК РФ.

Заключение.

Анализ материалов показывает, что допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве напрямую обусловлена соблюдением системы процессуальных принципов, закрепляющих основные права и свободы человека.

Судебная практика Верховного Суда РФ, кассационных судов общей юрисдикции и Европейского суда по правам человека последовательно исходит из того, что нарушение любого из указанных принципов при собирании доказательств влечёт их недопустимость, независимо от фактической доказательственной ценности полученных сведений. Ключевым критерием является законность способа получения доказательства, а не его содержание или подверженность иными материалами дела.

Таким образом, правило получения доказательств с соблюдением принципов, обеспечивающих основные права и свободы человека, выполняет функцию процессуального фильтра, обеспечивающего законность, справедливость и объективность доказывания, а также предотвращающего обвинительный уклон и использование доказательств, добытых путём нарушения прав личности.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан.	None declared.
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Вилкова, Т. Ю. Принципы уголовного судопроизводства России: понятие, система, перспективы развития в условиях современных вызовов и угроз: монография. - Москва: "ИНФРА-М", 2025. - 360 с. DOI: 10.12737/2233669 ISBN: 978-5-16-021659-1 EDN: IGSQMY
2. Кассационное определение Верховного суда от 29 января 2010 г. N 19-О10-6СП // ПНС "Закон РФ" <https://www.zakonrf.info/suddoc/5e3cabfbfc1009cca652abd1fe128e39>.
3. Афонин, Е. Г. Независимость судей и невмешательство в судебную деятельность как основа формирования правовой государственности // Вестник государственного и муниципального управления. - 2018. - Т. 7, № 2. - С. 94-101. EDN: YPGXLV
4. Барыгина А.А. Доказывание в уголовном процессе: допустимость доказательств: учебник для вузов. Москва: Юрайт, 2025. 194 с.
5. Химичева, О. В. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных ориентиров российского общества / О. В. Химичева // Журнал российского права. - 2025. - Т. 29, № 1. - С. 5-16. DOI: 10.61205/jrp.2025.1.1 EDN: ITUZYA
6. Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации № 46 от 25 декабря 2018 г. // <https://www.vsrfr.ru/files/27527>.
7. Приговор Копейского городского суда Челябинской области от 25 мая 2020 г. по делу № 1-33/2020 // <https://sudact.ru/regular/doc/p0nZx0caKqbj>.
8. Сидорова, Н. А., Васильев И.А. Применение стандартов доказывания при вынесении процессуальных решений по уголовным делам // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. - 2025. - Т. 16, № 3. - С. 705-721. DOI: 10.21638/spbu14.2025.307 EDN: YXEFKP
9. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.07.2022 г. № 53-УД22-16-А5 // <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-07072022-n-53-ud22-16-a5>.
10. Лозовский, Д. Н. Фидельский С.В. Дискуссионные вопросы, возникающие в ходе отмены постановления о возбуждении уголовного дела руководителем следственного органа // Вестник Краснодарского университета МВД России. - 2014. - № 4(26). - С. 80-82. EDN: TCUBNJ
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: научно-практический комментарий / под общ. ред. А.В. Гриненко. М.: Проспект, 2021. 1288 с.

References:

1. Vilkova, T. Y. Principles of criminal justice in Russia: concept, system, development prospects in the context of modern challenges and threats: monograph. Moscow: INFRA-M, 2025. 360 p. DOI: 10.12737/2233669 ISBN: 978-5-16-021659-1 EDN: IGSQMY
2. Cassation ruling of the Supreme Court of January 29, 2010 N 19-O10-6SP // PNS "Law of the Russian Federation" <https://www.zakonrf.info/suddoc/5e3cabfbfc1009cca652abd1fe128e39>.
3. Afonin, E. G. Independence of judges and non-interference in judicial activity as a basis for the formation of legal statehood // Bulletin of State and Municipal Administration. - 2018. - Vol. 7, No. 2. - pp. 94-101. EDN: YPGXLV
4. Barygina A.A. Proving in criminal proceedings: the admissibility of evidence: textbook for universities. Moscow: Yurait, 2025. 194 p.
5. Khimicheva, O. V. Principles of criminal justice as the embodiment of the moral guidelines of Russian society / O. V. Khimicheva // Journal of Russian Law. - 2025. - Vol. 29, No. 1. - pp. 5-16. DOI: 10.61205/jrp.2025.1.1 EDN: ITUZYA
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 46 dated December 25, 2018 // <https://www.vsrfr.ru/files/27527>
7. The verdict of the Kopeysky City Court of the Chelyabinsk region dated May 25, 2020 in case no. 1-33/2020 // <https://sudact.ru/regular/doc/p0nZx0caKqbj>.
8. Sidorova, N. A., Vasiliev I.A. Application of standards of evidence in making procedural decisions in criminal cases // Bulletin of St. Petersburg University. Right. - 2025. - Vol. 16, No. 3. - pp. 705-721. DOI: 10.21638/spbu14.2025.307 EDN: YXEFKP
9. Definition of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07.07.2022 № 53-UD22-16-A5 // <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-07072022-n-53-ud22-16-a5>
10. Lozovsky, D. N. Fidelsky S.V. Controversial issues arising during the cancellation of the decision to institute a criminal case by the head of the investigative body // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2014. - № 4(26). - Pp. 80-82. EDN: TCUBNJ
11. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: a scientific and practical commentary / under the general editorship of A.V. Grinenko. Moscow: Prospekt, 2021. 1288 p.

Информация об авторах:

Петрова Ольга Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и правовой информатики Кубанского государственного университета. oljapetrova@mail.ru

Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики и правовой информатики Кубанского государственного университета rudenkoalex@mail.ru

Olga A. Petrova, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of Kuban State University.

Alexander V. Rudenko, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminology and Legal Informatics, Kuban State University.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 23.01.2026;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.02.2026;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.